

СЕРДЦА ТРЕХ И ВОЙНА

ГРОЗНОЕ ленинградское лето 1941 года. Сигналы воздушной тревоги, девушка, дежурящая на крыше дома, громко распекает нерасторопных жильцов: «Третий этаж! Третий этаж, почему окно открыто?». Это начало спектакля «Сердца трех» в театре имени Гоголя.

А между тем атмосфера на сцене лиричная, светлая, почти безмятежная. Забрались на крышу трое совсем еще юных людей и, мало обращая внимания на воздушную тревогу, разговаривают о чем-то бесконечно мирном — о любви, об экзаменах, о том, куда пойти учиться после десятого класса.

Впрочем, говорят и о войне. «Интересно, если война не кончится, скажем, к сентябрю, занятия в консерватории все равно начнутся вовремя?» — размышляет нескладный и застенчивый Владик, типичный «интеллигент в очках». А Борис Ежов, статный, спортивного вида парень, желая доказать, что ему с его храбростью любая военная работа по плечу, предельно акробатические кульбиты на самом краю крыши к восторгу и ужасу влюбленной в него Ленки.

Молодой драматург Р. Назаров, режиссер В. Бортко, актеры Ю. Мурзин и Ю. Кречетов настойчиво, чтоб не сказать нарочито, подчеркивают, насколько противоположны эти ребята и по манере поведения, и по душевному складу, и даже просто по физическим качествам. И войну они, как видите, воспринимают по-разному, но только оба — совсем еще по-мальчишески, не представляя пока до конца и всерьез, что же случилось 22 июня 1941 года.

У каждого человека был свой, лично для него решающий переломный миг, когда он ощутил вдруг с беспощадной ясностью, насколько это огромно, страшно, ответственно — война...

И безмятежность первой картины спектакля ни в какой мере не промах режиссера, а, наоборот, очень точное попадание. Летний Ленинград 1941 года увиден в спектакле глазами молодых, жизнерадостных, переполненных надеждами людей, в чьи сердца еще по-настоящему не вошла война, не успела войти.

Борис с винтовкой на плече вышагивает по улицам, прощаясь с родным городом. Идет только что сформированный взвод новобранцев, но режиссер оставляет Бориса на сцене одного. Мальчишка горд своей новенькой военной формой, горд тем, что ему дали в руки винтов-

ку, и словно бы не замечает никого вокруг. Он улыбается чуть ли не восторженно, все предстоящее кажется ему простым, несложным, и нет в нем еще, нет и следа суровой сдержанности человека, ясно представляющего, куда он идет. На что идет.

Да, не одновременно и по-разному входила война в сердца людей. Этим трем суждено было встретиться с ней лицом к лицу в мирном молодежьком песочке близ Ленинграда.

...Двое на сцене. Над Владиком склонилась Ленка в голубой выцветшей майке, перевязывает ему раненую ногу своей разорванной на куски блузкой. Они рыли окопы

или, того хуже, канючить: «Бросьте меня, идите вдвоем», то ведь тащить-то будет труднее, как он этого понять не может, «тюря библиотечная», «филярмония несчастная»!

А Ленка — она трогательно старается смягчить, сгладить взаимоотношения и деликатно прячет свою любовь к Борису, зная, что Владик это видеть тяжело.

Вся вторая половина пьесы — трое идут по лесу, пробираясь к своим. Драматург подробнейшим образом исследует их далеко не всегда гладкие взаимоотношения. Обнаружив много противоречивого, сложного, он не нашел ни у одного из них даже в

ская новелла». Вероятно, это не совсем точно, однако я не берусь определить точнее. «Сердца трех» — психологически сложная пьеса, интимная и романтическая одновременно. На современной сцене, по моему, все больше утверждает себя именно такая романтика — не однолинейная, не любовная, но выросшая из реальных, жизненно сложных человеческих отношений.

И здесь режиссером В. Бортко найдено многое — это и пролог, и финал, звучащий на высокой патетической ноте, и проход новобранца Бориса по улицам Ленинграда.

Просчеты режиссуры нет-нет да и дают о себе знать во второй половине спектакля, где драматург пытаясь, хотя и не всегда успешно, добраться до самых глубинных истоков поведения героев. Режиссер же, боясь, очевидно, быть чересчур интимным, кое-что спрямляет, упрощает или, как принято говорить, «приподнимает над бытом». И потому растянутость этой части пьесы, наметившиеся в ней пустоты обнаруживаются спектаклем с особой очевидностью.

Л. Шапоренко, Ю. Мурзин, Ю. Кречетов показали себя интересно. Скажем прямо, в театре имени Гоголя молодежь так уже давно не играла. Молодые актеры очень органичны и достоверны, однако на романтических взлетах они иногда срываются, впадая в ходульный, поверхностный пафос.

Да, спектакль не во всем последователен. Но что сделано, то сделано, этого не отнимешь, а задуман он интересно и по-настоящему современно. И еще: спектакль талантлив — это тоже неомогажно...

К. ЩЕРБАКОВ.

ПРЕМЬЕРА В ТЕАТРЕ ИМЕНИ ГОГОЛЯ

в прифронтовой полосе, когда раздался чай-то панический крик: «Танки!» — и люди, побросав делата, кинулись врассыпную. Чуткая, тревожная тишина. Только изредка с дороги доносится рокот машин. Наших? Или немецких?

А потом они находят Бориса, затравленного, оборванного, падающего с ног от усталости. Беспощадно играет эту сцену Ю. Кречетов. Борис рыдает, упав на землю, рыдает, не пряча слез, надрывно, всхлипывая. Страшно смотреть на эту истерику сильного, крепкого, решительного парня. Он верил в победу легкую и скорую, ему внушили эту веру. И попал в кошмар беспорядочного отступления, в ад неравного боя, когда содрогалась земля, когда ни на мгновение нельзя было приподнять голову, а немецкие танки все перли и перли, и трехлинейками ничего, ну совсем ничего нельзя было с ними сделать.

Снова, как и в первой картине, очень по-разному ведут себя эти ребята. Интеллигентный и не приспособленный к жизни Владик даже в этом отчаянном положении склонен все усложнять, анализировать, во всем доискиваться до первопричины.

Бориса это раздражает, прямо-таки выводит из себя. Ну да, он простой человек, не чета Владьке, зато твердо знает, что ему сейчас надо делать — взвалить «интеллигента» на закорки и тащить, тащить, нога хватит сил. И если тот будет рассуждать

намек, даже в тайной мишкетной мысли желания спасти свою шкуру, любой ценой, во что бы то ни стало уцелеть самому. И, забыв обо всякой осторожности, громко, во весь голос Ленка и Борис зовут Владика, который во время одного из привалов незаметно уполз в лес, решив, что хотя бы таким способом сможет облегчить их путь...

В финале спектакля ребята, закрыв собой тело убитой Ленки, которую оба любили, медленно идут навстречу танку, идут с одной противотанковой гранатой в руках. На мгновение гаснет свет — и все трое застывают в луче прожектора, как памятник юности, вступившей в единоборство с войной.

Но что совершили эти трое, чтобы возвеличивать их до такого символа? Можно предвидеть этот вопрос, возникал же он — помните? — когда выходила на экран «Баллада о солдате». Да, Ленка, Борис, Владик не совершили подвига, не успели совершить. Но они, не ловча и не прячась, честно встретили тот решающий миг, когда в их сердца вошла война, не растратили, не разменяли себя перед лицом смерти, сохранив самое лучшее, самое светлое, что в них было, и отбросив наносное, ненужное, лишнее. И пусть даже ребята погибли, так и не убив ни одного фашиста, все равно они вступили в единоборство с войной, в моральное единоборство, и победили.

Р. Назаров определил жанр своей пьесы так: «драматиче-